NTRMAN

БАРОНА ВИНТОРА РОМАНОВИЧА

POSEHA.

Сообщенія, читанныя вз засыданіи Отдіпленія 20 ноября 1908 г., и списокз труддів барона В. Р. Розена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ НИПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вва. Остр., 9 дин., 20 12.

1909.

Cod & Respectate 22

Exp. Obyens

Баронъ В. Р. Розенъ и христіанскій Востовъ.

Баронъ Розенъ, какъ оріенталисть, въ русской печати выступилъ работою о древне-арабской поэзія 1). Намъ хорошо памятенъ одинъ изъ посліднихъ докладовъ покойнаго Поэзія и филологія (по поводу толковавія одного стиха ал-Фараздака въ стать J. Hell'a 2).

Слушал докладъ съ проникновеннымъ тонкимъ анализомъ бедуинской поэзіи, мы всѣ восхищались и лишь молчаливо удивлялись тому, какъ ученый, ни разу не бывавшій въ Аравіи или среди арабовъ, вообще на Востокъ, могъ такъ глубоко проникать въ бедуинскую душу, бедуинскія ощущенія, воспринимать чисто-арабское пониманіе окружающаго міра и блестяще толковать мѣста, казалось бы, непреодолимыя.

Бар. В. Р. Розенъ быль не только арабисть, но и чуткій истолкователь арабской поэзіи, арабской мусульманской литературы и вообще мусульманскаго міра, словомъ арабисть-исламисть. И казалось бы, какое ему было дѣло до христіанскаго Востока? Какія отношенія должны были установиться у него къ этому міру кромѣ случайныхъ? Такъ обыкновенно и смотрять на работы бар. В. Р. Розена въ этой области, въ томъ числѣ и на капитальный его трудъ Императоръ Василій Болгаробойца: близкіе люди внушили-моль ему интересъ къ славяно-византійскимъ отношеніямъ, а счастливая судьба случайно бросила въ его руки памятникъ высокой цѣнноств. Но не упускаемъ ли изъ вида при такомъ взглядѣ самую существенную, самую драгоцѣнную черту въ научной физіономіи покинувшаго насъ дѣятеля, его независимость, именно то, что бар. В. Р. Розенъ былъ и

Древне-арабская поэтія и ея критика, СПб. 1872 (магистерская диссертація). До этого бароновъ была ванечатава одна замѣтка по-нѣмецки: Ein arabisches Manuscript in Reval (Revalsche Zeitung, 19. Aug. 1871).

²⁾ Читанъ въ засъдавіи Восточнаго отдъленія 22 декабря 1905-го года. Виослъдствіи докладъ напечатанъ въ Зап. Вост. отд. XVII (1906), СПб. 1907, стр. 031—048 подъ заглавіемъ: عراب عداد المحادث Віемъ: عراب عداد المحادث Віемъ: عراب المحادث المحادث

остался въ своихъ произведеніяхъ ученымъ самостоятельнаго образа мыслей. проводящимъ въ востоков'ал'еніи нео-филологическіе взгляды.

Бар. В. Р. съ первыхъ же шаговъ сталъ на сторону научнаго теченія, склонявшагося къ освобожденію востоковѣдѣнія отъ служебнаго положенія, къ созданію новой, именно восточной филологіи съ своими самостоятельными задачами. Въ 1885-мъ году бар. В. Р. Розенъ ясно выразилъ такое свое credo на французскомъ языкѣ въ каталогѣ восточныхъ рукописей собранія Marsigli въ Болонь в 1): «Наиболь блестящимь доказательствомъ громаднаго прогресса, слъданнаго оріенталистическими занятіями въ последніе 20-30 леть является, пожалуй», читаемь въ предисловін названнаго труда, «то рвеніе, съ какимъ принялись издавать каталоги рукописныхъ сокровищъ, зарытыхъ въ библіотекахъ. Трудно ошибиться касательно смысла этого движенія: очевидно, оно вызвано новымъ направленіемъ въ изученім восточныхъ литературъ. Долго на эти литературы смотръли какъ на собранія матеріаловъ, годныя для разработки лишь въ интересахъ исторіи того или иного европейскаго народа, той или иной эстетической либо философской теоріи, и, сл'єдовательно, оні играли второстепенную или вспомогательную роль. Но теперь все болье сказывается тенденція оріенталистовъ сдёдать ихъ цёлью и главнымъ предметомъ изысканій и усилій. Стараются углубиться въ умственное развитіе восточныхъ народовъ, оставившихъ намъ литературы, проследить все фазисы этого развитія восточнаго генія, независимо отъ его болье или менье тысныхъ отношеній къ европейской цивилизаціи. Уже понято, что исторія человічества будетъ фрагментарна, доколъ не будетъ изучена исторія азіатскихъ народовъ: уже понято, что исканје историческихъ законовъ, управляющихъ судьбами челов'вческаго общества, останется довольно безплоднымъ трудомъ, доколѣ оно будетъ базироваться на сравнительно ограниченномъ количествъ фактовъ одной европейской жизии. Следовательно, благороднъйшею задачею оріенталистовъ будеть всегда выясненіе шагъ за шагомъ умственнаго развитія различныхъ восточныхъ народовъ, путемъ изученія всёхъ отраслей восточныхъ литературъ, даже тёхъ, которыя кажутся наименте привлекательными и въ то-же время сопряженными съ наибольшимъ числомъ трудностей».

Отсюда постоянный интересъ бар. В. Р. Розена ко всёмъ самостоятельнымъ отраслямъ восточной филологіи, въ томъ числе къ темъ, предметъ изученія которыхъ—та или иная часть христіанскаго Востока. Это ясно выступаетъ и въ каталогахъ, такъ напр. въ Notices sommaires des manu-

¹⁾ Remarques sur les manuscrits orientaux de la Collection de Marsigli à Bologne, suivies de la liste complète des manuscrits arabes de la même Collection, Rome 1885, crp. 3.

scrits arabes du Musée asiatique 1), гд $^{\frac{1}{2}}$ описанію христіанскихъ рукописей бар. В. Р. Розенъ уд $^{\frac{1}{2}}$ ляеть столь же любовное вниманіе 2), какъ и описанію мусульманскихъ.

Этотъ принципіальный интересъ къ христіанскому Востоку у бар. В. Р. Розена увеличивался еще болье отъ направленія его личной научной пытливости.

Конечно, бар. В. Р. Розенъ быль арабисть: зналь также персилскій и туренкій языки. Но прежле всего бар. В. Р. Розенъ представляль типъ широкообразованнаго ученаго съ интересомъ къ культурно-историческимъ вопросамъ. Могъ ли и долженъ ли былъ онъ проводить грани, въ предълахъ которыхъ его пытливость должна была находить удовлетвореніе, когда и матеріальное знаніе и жажда къ обобщеніямъ влекли его на просторъ изъ узкихъ рамокъ спеціалиста? Бар. В. Р. Розенъ, глубокій спеціалистъ, любившій рекомендовать другимъ предпочтительно сухія спеціальныя работы и самъ съ любовью занимавшійся ими, такъ напр. описаніями рукописей то арабскихъ, то персидскихъ, изданіями текстовъ, не менъе сильно любиль комбинировать и обобщать. Нельзя спокойно довольствоваться тёмь. что удовлетворяетъ ученаго, замкнувшагося въ узкіе предёлы своей спеціальности. Эго было его убъжденіе. Отсюда его личная любовь къ пересмотру установившихся взглядовъ и къ новымъ обобщеніямъ. Не склоненъ обобщать и приходить къ извъстнымъ выводамъ спеціалистъ, пусть, внушаль онь, займется этимъ дёломъ, опираясь на подготовленные и доступные въ переводъ матеріалы, представитель иной научной дисциплины, не обладающій знаніемъ восточныхъ языковъ, съ своей болье широкой точки зрѣнія: обобщенія важны и нужны, безъ нихъ будеть застой в).

¹⁾ СПб. 1881.

²⁾ п. с., стр. 1-15, 129-135 et pass.

³⁾ По поводу одного «ръзкаго приговора надъ попытками оцънки значенія грузинской исторической дитературы со стороны ученыхъ, незнающихъ грузинскаго», бар. В. Р. Розенъ ясно выражаетъ этотъ свой взглядъ (Зап. Вост. отд., I (1886), стр. 148-149): «При существованіи надежныхъ переводовъ и комментарієвъ историкь, даже не знающій ни единой буквы данняго языка, имъетъ полное и неотъемлемое право и даже обязанность судить о достоинствъ этихъ переведенныхъ историческихъ памятниковъ. Сдъланныя на основаніи этого матеріала обобщенія могуть впослідствін, по открытін новыхъ памятниковъ, оказаться не вполнъ върными, но воздерживаться отъ всякихъ обобщеній до приведенія въ изв'єстность оська сохранившихся памятниковь, тоже невозможно. Во изб'єжаніе вредныхъ последствій отъ присущаго всякому человеку, а следовательно и филологу, пристрастія къ излюбленному имъ предмету занятій, даже желательно, чтобы историческіе результаты добытые филологами-спеціалистами отъ времени до времени пров'ярялись и обсуждались историками съ другой, болъе широкой точки зръвія... За примърами ходить приходится не далеко: достоинство и значеніе нікоторых врабских историков были гораздо лучше освъщены историками, не знавшими по арабски, чъмъ арабистами» (курсивъ вездъ бар. Розена).

Естественно, культурно-историческіе вопросы, чаще привлекавшіе вниманіе бар. В. Р. Розена, касались мусульманскаго Востока: это тяготініе опреділялось боліе спеціальною его освідомленностью въ исламистической литературі. Понятно потому появленіе въ его работахъ преобладающе темъ, касающихся вопроса о различныхъ направленіяхъ мысли въ мусульманскомъ мірі.

Изъ такого тяготенія къ культурно-историческимъ вопросамъ вытекаль, на почвъ такого влеченія къ научному творчеству вырасталь интересъ бар. В. Р. Розена къ Бабу и къ бабиламъ. Исканія его по бабизму относятся еще ко времени до 1877-го года, когда баропъ занятъ былъ описаніемъ бабилскихъ рукописей 1). Посліднее свидітельство длительности этого интереса имъемъ въ посмертномъ изланіи труда бар. В. Р. Розена «Первый сборникт Посланій бабида Беһауллаха», вышедшемъ въ свёть въ текущемъ году подъ наблюденіемъ П. К. Коковцова 2). Судя по молчанію, можно думать, что бар. В. Р. Розенъ съ 1894-го года пересталь интересоваться вопросомъ и не локончиль лёла. Однако для барона не существовало вообще законченныхъ работъ, смыслъ научной работы онъ полагалъ въ движеніи, притомъ не въ единоличномъ, а совм'єстномъ. И если ему удавалось изъ какого-либо вопроса создать такое плодотворное научное коллективное исканіе, особенно же вовлечь въ его разработку русскія силы, то тогда онъ и считалъ свое дёло законченнымъ. Вопросъ о бабидахъ одинъ изъ случаевъ, блестяще иллюстрирующихъ эту сторону дъятельности барона.

Вопросъ быль поставленъ и выдвинуть въ качествъ боевой очередной темы, по которой русскіе востоковъды, предполагалось, могли и должны были обогатить отечественную ученую литературу раскрытіемъ основъ бабизма, въ томъ числъ Ал. Григ. Туманскій «подробнымъ изложеніемъ новобабидской въры и исторіи» 3).

И, дъйствительно, если раскрыть Систематический указатель къ десляти томать Записокъ Отдъленія, то отдъль по религія Персія въ 23 номера 4), за исключеніемь двухъ замътокъ, одной В. В. Бартольда Мусульманскія изопетія о чингизидах христіанах и одной случайной моей Описаніе персидскаго рукописнаго Четвероевангелія, всъ статья и сообщенія оказываются посвященными бабизму и въ связи съ нимъ вообще вся-

¹⁾ Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales de Saint-Pétersbourg, T. I, 1877; Baron Victor Rosen, Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales.

²⁾ СПб. 1908.

³⁾ Зап. Вост. отд., т. VII, стр. 371 въ рецензіи на труды Browne'a.

^{4) 3.} B. O., T. X, CTP. 247-248.

каго рода сектантскимъ редигіознымъ ученіямъ современной Персіи 1). По этимъ сроднымъ вопросамъ оказываются мобилизованными всё наличныя силы, какія только могли ими интересоваться, не только профессіональные спеціалисты, какъ самъ баронъ и В. А. Жуковскій, но и работники изъ любви къ искусству А. Г. Туманскій и А. В. Комаровъ. Въ работу вовлекаются и другія лица, выносящія спеціальный вопрось о бабидахъ съ своими самостоятельными наблюденіями въ общую періодическую печать 2). Такимъ образомъ для барона В. Р. Розена дъло въ наиболъе цънной своей части съ этого момента было закончено. Болбе того, бар. В. Р. Розенъ на личный свой вкладъ въ самую разработку вопроса смотрёлъ весьма скромно. «Много и тщетно», писалъ самъ баронъ про себя, «старался отыскать ключъ къ уразумѣнію этихъ (бабилскихъ) загалочныхъ писаній и, какъ оказалось изъ изследованій Browne'a, местами впаль въ немалыя ошибки» в). Но, вопервыхъ, какъ увидимъ, баронъ В. Р. Розенъ не столько боялся невольныхъ погрѣшностей, сколько застоя и безплодія, этихъ лучшихъ гарантій отъ всякихъ ошибокъ. А затемъ и о личныхъ его работахъ известный спеціалистъ по вопросу Edward G. Browne еще въ 1892-мъ году писалъ 4):

«Я бы съ удовольствіемъ, будь это возможно, обсуждаль трудъ барона Розена самостоятельно безъ отношенія къ моему, но.... какъ я во второй статьѣ (Л. R. A. S. 1889), посвященной бабидской литературѣ, а равно въ Traveller's Narrative, постоянно имѣлъ въ виду изслѣдованія барона Розена, точно также онъ въ послѣднихъ своихъ писаніяхъ безпрестанно ссылается на мой трудъ, часто исправляя, дополняя вли критикуя самымъ любезнымъ и самымъ неукоснительнымъ образомъ утвержденія и предположенія, которыя я выставлялъ. Цѣль моей настоящей статьи взять назадъ или видоизмѣнить тѣ изъ моихъ предположеній, которыхъ нельзя болѣе защитить, согласовать, насколько возможно, результаты нашихъ независимыхъ разысканій, изложить вкратцѣ для лицъ, спеціально не углублявшихся въ эту область восточныхъ занятій, плоды пѣнныхъ открытій барона Розена и прибавить кое-какіе немногочисленные новые факты, ставшіе миѣ извѣстными».

¹⁾ Сюда относимъ цѣнныя фактическими указаніями замѣтки В. А. Жуковскаго не только о бабидахъ, на освораніи частной переписки, но и объ отличныхъ отъ бабидовъ персидскихъ сектантахъ, Балі и Арли ћаки. Статья объ Арлі ћаки ахъ, рѣдкій по содержательности источникъ по персидской разновидности ученія іезидіевъ, переноситъ насъ къ вопросу о «челеби».

Георгій Батюшковъ, Бабиды. Персидская секта. Очеркъ (Въстникъ Европы, 1897 іюль, стр. 334—356).

³⁾ Зап. Вост. отд., т. VII, стр. 371.

⁴⁾ Some Remarks on the Babi Texts edited by Baron Victor Rosen etc., The Journal of the Royal Asiatic Society, XXIV (1892), crp. 260.

Статья Два слова о значеніи слова «зиндик» (زنديق) даеть случай засвидьтельствовать то-же тяготьніе бар. В. Р. Розена къ культурно-историческимъ вопросамъ, въ частности къ международному религіозному общенію; въ данномъ случать бар. В. Р. Розенъ указалъ на возможность буддійскаго вліянія на адептовъ одного еретическаго ученія среди мусульманскаго міра «къ вящшему освъщенію», какъ выразился самъ баронъ, «той удивительной по своей пестротъ картины, которую намъ представляетъ «арабская» цивилизація въ лучшую свою эпоху» 2). Года черезъ два бар. В. Р. Розенъ имъль удовольствіе подтвердить это свое мнѣніе, благодаря указанію С. Ф. Ольденбурга, ссылкою на буддійскій текстъ 3).

Первенствующій интересъ къ узламъ культурнаго общенія различпыхъ народовъ вовлекалъ барона В. Р. Розена и въ чисто литературные вопросы. Чрезвычайно важна въ этомъ направленіи работа Ка вопросу оба арабских переводах Худай-намэ 4). Гипотеза барона Розена предназначена была дишить почвы обычное мнаніе о возникновеній знаменитой персидской эпонеи *Шай-намэ*, произведенія Фирдоусія, Существуеть законченный капитальный трудь извъстнаго нъмецкаго оріенталиста Нёльдеке, но и у него остается уйма неръшенныхъ вопросовъ, и прежде всего нътъ окончательно установленнаго текста извъстнаго предисловія къ Шаһ-намэ. нътъ установленнаго текста «того мъста изъ введенія Баламія къ переводу Табарія, гді говорится о разныхъ авторахъ Сіјар-ал-мулук», нітъ «дійствительно критическихъ, на основаніи всёхъ доступныхъ матеріаловъ сдёланныхъ изданій всего Шаннамэ и всего персидскаго Табарія», нѣтъ «систематическихъ разысканій» въ соотвётственныхъ «областяхъ древней арабской и персидской литературы» 5), а самое главное, прибавлю уже отъ себя, нётъ никакой живой творческой мысли, которая могла бы подъ заманчивымъ стягомъ собрать дружину работниковъ для осмысленнаго производства всей этой колоссальной работы, требующей несомивно коллективныхъ усилій. И вотъ, взявъ одинъ изъ, казалось бы, мелкихъ вопросовъ, притомъ уже рѣшенный профессоромъ Нёльдеке въ нѣсколькихъ строкахъ примъчанія, вопросъ о томъ, что упомянутые у ал-Бирунія два Шаннамо одно и то-же ли сочинение, составленное Абу-Али-ал-Балхиемъ, баронъ В. Р. Розенъ, вопреки мевнію Нёльдеке, признаетъ оба, упомяну-

¹⁾ Зап. Вост. отд., т. VI (1891), стр. 336-340.

²⁾ ц. с., стр. 337. Эта же странипа работы русскаго оріенталиста использована R. A. Nicholson'юмъ въ A Literary History of the Arabes, London 1907, стр. 375.

³⁾ Къ статью «Два слова о значени зиндикъ», З. В. О., т. IX (1895), стр. 290.

Восточных замытки. Сборникъ статей и изслъдованій профессоровъ и преподавателей Факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, СПб. 1895, стр. 153—191.

⁵⁾ ц. с., стр. 190.

тыя ал-Бйру́ніемъ, Ша́нна́мэ за одно и тоже сочиненіе, и указываеть на вытекающія отсюда послѣдствія для исторіи Kниги иарей: возникаеть мысль, что Фирдоусій въ концѣ концовъ основывается на «этихъ же самыхъ арабскихъ переводахъ или передѣлкахъ Xy∂а́й-Hа́мэ, хотя онъ, можеть быть, и не пользовался прямо ими, а ново-персидскимъ сводомъ Aбу-Aли-ал-Балхія», отпадаетъ укоренявшійся взглядъ, «что Фирдоусіево изложеніе основывается на сдѣланномъ прямо съ пехлевійскаго переводѣ на новоперсидскій языкъ 1).»

Бар. В. Р. Розенъ первый видъть, что мысль его еще недоказана. «Но въ наукъ», это—слова самого барона, «неръдко имъють значеніе также и недостаточно еще обоснованныя на фактахъ гипотезы: онъ вызывають споры, колеблють слишкомъ иногда твердое убъжденіе въ непреложности общепринятыхъ воззръній и тъмъ самымъ способствують дальнъйшему разъясненію коренныхъ вопросовъ, подвигая на пересмотръ ихъ съ разныхъ точекъ зръній. И вотъ въ видъ такого, такъ сказать, «боевого» тезиса я", заключаетъ баронъ В. Р. Розенъ, «позволиль бы себъ высказать предположеніе, что унемянутыя у ал-Бирунія два Шанвамэ — одно и тоже сочиненіе» и т. д. 2).

Не вина бар. В. Р. Розена, если «боевые его тезисы» иногда оказывались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но самого бар. В. Р. Розена эти темы выводили изъ тѣсной однородной арабской среды на просторъ, завоеванный мусульманами, гдѣ общественно-религіозные и чисто литературные вопросы имъ невольно ставились на культурно-историческую почву широкаго мірового общенія, не только между различными толками ислама или различными народностими, исповѣдующими исламъ, но и между мусульманствомъ и христіанствомъ.

Предварительная замътка о словъ челеби в и счастливая гипотеза о греческой версіи Варлаама и Іоасафа, внесенная въ рецензію в изслъдованіе Н. Zotenberg'a s, относятся къ статьямъ того же порядка. Въ

¹⁾ ц. с., стр. 191.

²⁾ ц. с., стр. 190.

³⁾ Зап. Вост. отд., т. V (1890), СПб. 1891, стр. 304—307, а также Еще два слова о ечелеби», Зап. Вост. отд., т. XI (1897—1898), стр. 310—312. Съ легкой руки барона Розена, и по этому вопросу начинаетъ у насъ расти спеціальная литература, теперь уже заключающая въ себъ между прочимъ такую обстоятельную монографію, какъ независимо возникшее изстадованіе В. Д. Смир нова: «Минмый турецкій султавъ именуемый у европейскихъ писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes» (Зап. Вост. отд., т. XVIII, 1908, стр. 1—70).

⁴⁾ Зап. Вост. отд., т. II (1887), СПб. 1888, стр. 166—174, см. также Еще объ имени Балавари, Зап. Вост. отд. т. II. (1887), стр. 277, и др.

⁵⁾ Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph etc. (Notices et Extraits de la Bibl. Nat., t. XXVIII, 1-e partie), Paris 1886.

свою очередь распутывание въ такихъ случаяхъ узловъ, завязывавшихся межлу мусульманами и христіанами въ литературной или вообще культурной жизни. въ бар. В. Р. Розенъ естественно вызывало непосредственный интересъ къ жизни христіанскихъ народовъ Востока. Въ результатъ такого интереса бар. В. Р. Розенъ и возбудилъ вопросъ, не сохранился ли на грузинскомъ языкъ особый изводъ Варлаама и Іоасафа, подъ названіемъ Книги Балавара. обосновавъ предварительно гипотезу объ ея существованін у грузинъ въ древности, именно до XI-го вѣка 1). Наведенныя справки вскор' лали возможность въ полтверждение гипотезы бар. В. Р. Розена отвътить положительно: быль открыть особый грузинскій изводь Варлаама и Іоасафа подъ заглавіемъ Мудрость Балавара сначала въ одномъ, а впослёдствій въ рядё рукописныхъ списковъ, и были сдёланы извлеченія²). появилось изданіе 3), данъ былъ русскій переводъ 4), одно за другимъ стали стекаться въ печати, вызванныя къ жизни все тъмъ же творческимъ зовомъ бар. В. Р. Розена, свълънія объ армянскихъ версіяхъ 5) и самый текстъ армянской прозаической версін 6), опыты изслёдованія армянскихъ и грузпискихъ матеріаловь 7), данныя о персидскомъ изводѣ, сообщенныя

¹⁾ см. ц. выше Зап. Вост. отд.

²⁾ Н. Марръ, «Мудрость Баласара», грузинская версія «Душеполеной исторіи о Варлаать и Іоасафь», Зап. Вост. отл., т. III (1888), 1889, стр. 223—260; А. А. Цагарели, Свъдмий о пасмянникат грузинской письменности, вып. второй, СПб. 1889, стр. XXXII; Н. Марръ, Софрона, сынъ Исаака, или Исаакъ, сынъ Софрона? (Зап. Вост. отл., V (1890), 1891, стр. 288), см. также Alexius, Josaphat, Виддна въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung (1890, № 207, 215, 217), гдъ между прочинъ читаемъ (№ 215, стр. 2): emit seinen Hypothesen feierte Rosen einen Triumph, als auf seine Anregungen hin ein grusinischer Barlaan-Text alsbald gefunden wurde» или еще «dem Baron Rosen gebührt aber voller Dank, dass er der grusinischen Literatur zu einem so erfolgreichen Debut in der orientalischen Literaturgeschichte verholfen hat, vielleicht ist hier noch viel zu erwarten».

³⁾ Е. С. Такайшвили, ъъжба дъргодъява. Тифлисъ 1895 (см. рецензію Н. Марра, Зап. Вост. отд., X, стр. 211—213) и значительно позже А. Хахановт, Вланеаръ [вісі и Іодосафа. Трузинскій текстъ по рукописять XI—XIII вв. (съ приложеніемъ двухъ палеографическихъ таблицъ) съ переводомъ и предисловіемъ, Москва 1902, Труды по востоковъдъвію, изданаемые Лазаревскимъ Институтомъ восточныхъ языковъ, вып. ІХ. См. также свъдъвіе объ Іерусалимскомъ спискъ у мевя (Предваримельный отчеть о работалъ на Синав и въ Іерусалимы, стр. 83).

⁴⁾ И. А. Джаваховъ, *Мудрость Балавара*, Зап. Вост. отд., т. XI (1897—1898), 1899, стр. 1—48.

⁵⁾ Н. Марръ, Къ еспросу о «Варлаам» и Іоасаф». Изъ арминской Геограейи, приписываемой Вардану, Зап. Вост. отд., т. IV (1889), 1890, стр. 395—397; его же, цит. рец. на изданіе Е. С. Такайшвили, стр. 213.

⁶⁾ Архии. Месропъ Тэръ-Мовсэсянъ, Նկարադրունիւն Հոդնեոր վարուց вովասափու, որդւդ Թագաւորին Հնդկաց։ Գրևալ ՅոՀաննու կրաւնաւորի, Barapшanaтъ 1897.

⁷⁾ Ernst Kuhn, Barlaam und Joasaph. Eine bibliographisch-literargeschichtliche Studie (Abhandl. der k. bayer. Akademie der Wiss. I Cl. XX Bd. I Abth.), München 1893 [указываевта на эту работу, такъ какъ въ ней использованы первыя русскія работы по грузинской версін Поопсти, хотя, къ сожатѣнію, невникательно]; Н. Марръ, Армяно-грузинскіе матеріалы для исторін Душеполезной поопсти о Варлаамь и Гоасафь, Зап. Вост. отд., XI (1897—1898),

впервые въ связи съ письмомъ С. Ф. Ольденбурга самимъ барономъ, и работы по немъ 1), индійскія параллели Къ притчамъ от «Варлаамъ и Іоасафъ» 2) и арабское сказаніе о Будасфъ, изданное бар. Розеномъ 3) и имъ же опредъленное какъ «Сасанидская версія повъсти о Варлаамъ и Іоасафъ 4), въ которой ярко выступаетъ» съ одной стороны начальная связь пашего сказанія съ цикломъ буддійскихъ легендъ», «а съ другой — коренвая переработка» «на пути изъ Индіи въ Персію», «черезъ христіанскую, сърійскую среду» 5).

Собрадся вообще новый матеріаль, требующій пересмотра вопроса о прославленной средневѣковой повѣсти.

Самому бар. В. Р. Розену собственная его гипотеза о судьбахъ Вармаама и Іоасафа до послѣднихъ дней казалась наиболѣе пріемлемою; онъ
допускалъ характеръ крайней ея парадоксальности лишь въ глазахъ тѣхъ,
которые привыкли смотрѣть на грузинскую лигературу, какъ на quantité
négligeable. Въ этихъ именно выраженіяхъ высказывается бар. В. Р. Розенъ въ решензіи на мою работу Житіе Петра Ивера 6), гдѣ, присоединяясь къ миѣнію о важности для исторіи восточной церкви изученія грузинскихъ литературныхъ памятниковъ, бар. В. Р. Розенъ снова возврашается къ одной изъ своихъ соновныхъ руководящихъ мыслей, добавляя:
«Дѣйствительно плодотворнымъ въ болѣе широкомъ смыслѣ такое изученіе
однако можетъ быть только тогда, когда не упускается изъ вида тѣсная
культурная связь, соединявшая въ древности грузинскій церковный міръ
съ греко-сирійскимъ 7)ъ.

Наконецъ, къ христіанскому Востоку, а въ связи съ нимъ неизбіжно

^{1899,} стр. 49—78; F. C. Conybeare, The Barlaam and Josephat in the ancient Georgian and Armenian Literatures (Folk Lore, London 1896, VII, стр. 101—142) съ моею рецензіею въ Ж. Мин. Нар. Просвѣщевін, 1897, апрѣль, стр. 483—490; Н. Марръ, Житіє со. Вирмаама Сирокавказскаго (Къ вопросу о «Вармаамъ и Іоасаоъ) въ Аніорафическить матеріамать по урумискимь рукописямь Иегра, ч. II (Зап. Вост. отд., т. XIII, СПС 1901, стр. 89 и сл.).

¹⁾ Персидскій изводь о Варлаамы и Іопсафы, Зап. Вост. отд., т. III (1888), стр. 273-276.

²⁾ С. Ольденбургъ, Зап. Вост. отд., т. ІХ (1895), стр. 275-276.

³⁾ Зап. Вост. отд., т. XIV (1901), стр. 77-118.

⁴⁾ ц. с., стр. 94.

⁵⁾ п. с., стр. 118. Ниже бар. Розенъ оговаривается, что, говоря о христіанскомъ, сирійскомъ вліявіи, онъ предполагаеть въ арабскомъ текстъ не переводъ спрійскаго подлинника, а передълку подлинника въ духъ времени сасанидской династіи.

⁶⁾ Зап. Вост. отд., т. Х (1896), 1897, стр. 201.

⁷⁾ п. с., стр. 200. Дальнъйшее изученіе этого вопроса выяснило, что во избъжаніе недоразумѣнія послѣднюю строку слѣдовало бы редактировать такъ: «тѣсная культурная связь, соединяющая въ древности грузинскій церковный міръ съ одной стороны съ сирійскимъ, точвѣе съ армано-сирійскимъ, въ болѣе равній періодъ, а ст. другой — съ греческимъ поздяве». Что въ свою очередь армяно-сирійскій христіанскій міръ придется разсматривать въ тѣсной связи съ здементами иранской культуры, особенно же съ исторіею христіанства въ Персіи, это ставовится также все болѣе и болѣе яснымъ.

къ армяно-грузинскому міру бар. В. Р. Розенъ подходиль съ точки зрѣнія интереса къ Византіи, въ частности къ греко-инородческимъ политическимъ отношеніямъ въ Византійской имперіи. Этоть интересъ былъ настолько глубокъ въ бар. В. Р. Розенѣ, что онъ заставляль его внимательно просматривать такія далекія отъ его спеціальности работы, какъ Сотодимія о памятникахъ грузинской письменности проф. Цагарели, перечитывать сухое описаніе грузинскихъ рукописей и выражать въ общей формѣ свое искреннее огорченіе, если отсутствіе русскаго перевода лишало его возможности удовлетворить направленную въ эту сторону любознательность 1).

Нигать такъ, какъ въ исторіи Византіи не выступають на первый планъ скрешиванія заодно съ редигіозными и напіональныхъ интересовъ. Вся византійская исторія соткана изъ рельефныхъ узоровъ, представляюшихъ сплетеніе или развертываніе общественныхъ силь, создававшихъ эти то гармоничные, то противоборствующіе интересы вокругъ каждаго вопроса, быль ли то религіозно-философскій, литературный, экономическоправовой или чисто политическій. Для научно-пытливаго ума того склада, какимъ одаренъ былъ бар. В. Р. Розенъ, Византія давала заманчивый просторъ, представляла непочатый кладъ. Разрабатывание его тъмъ естественнъе должно было манить русскаго оріенталиста, что кладъ одною стороною уходиль въ область, составлявшую предметь его спеціальности, арабскій міръ, а другою вросталь въ славянскіе культурно-историческіе вопросы, моментъ самъ по себъ способный объяснить преимущественное тяготеніе бар. В. Р. Розена къ византиноведенію. Сказаннымъ не умаляется нисколько значение византинистовъ, въ первую голову В. Г. Васильевскаго, а также А. А. Куника. Но подобно счастливой находић, открытію хроники христіанско-арабскаго летописца, процветавшая тогда русская школа византиновъдънія являлась лишь благопріятнымъ условіемъ для развитія природныхъ данныхъ оріенталиста, для направленія и углубленія его научныхъ интересовъ, а отнюдь не источникомъ ихъ зарожденія.

Въ 1881-мъ году бар. Розенъ быль уже захваченъ полнотою «восточныхъ» свъдъній, имъвшихъ дать не только новыя данныя, но и новое направленіе и даже ръшеніе первостепеннымъ вопросамъ по исторіи Ви-

^{1) «}На стр. 90 [вып. I] н. пр. (№ 69)», по одному такому случаю пишетъ бар. В. Р. Розенъ (Зап. Вост. отд., т. I (1886), 1887, стр. 148), «питуются записи на одномъ кодексъ, 977 г., дающия «интересныя свъдъния о Торпики, строитель Иверскаго монастыря на Афонъ». «Въэтихъ записяхъ», читаемъ мы нъсколько ниже (стр. 91), «говорится вперые, между прочимъ, о походъ и поражении Варда Склира Торникіемъ». «Что говорится? и какъ говорится?» восклищаетъ далѣе арабистъ, заинтригованный въ своемъ интересъ къ византийской истории Х-го въка: «Мы думаемъ, что византимисты сказали бы автору большое спасибо, если бы окъ потрудился перевести есъ подобыма записи».

зантій X-го вѣка. Отъ полноты новой освѣдомленности у бар. Розена вылялась Замътка къ статъѣ В. Г. Васильевскаго «О жизни и трудахъ Симсона Метафраста» (Ж. М. Н. П., дек. 1880) по поводу свидѣтельства Іоанна Антіохійскаго о Симеонѣ¹). Уже здѣсь слышится предупрежденіе, что когда между арабскимъ историкомъ и греческими писателями нѣтъ согласія, то сказать кто изъ нихъ правъ, дѣло не легкое, что случай разногласія между Іоанномъ и византійскими историками не единственный, что къ этому еще придется вернуться ²).

Въ 1884-мъ году въ Замъткъ о льтописи Агапія Манбиджскаго бар. В. Р. Розенъ, выйля за предълы ІХ и Х въковъ, углубился въ болъе раннюю эпоху, во времена императоровъ Маврикія, Фоки и Ираклія в). Но это произошло случайно. Довърившись каталогу Ассемани, бар. Розенъ во флорентинскомъ спискъ сочиненія Агапія, сына Константина ал-Манбиджи, съ предполагавшимся еще продолжениемъ, искалъ одинъ изъ источниковъ Яхъи; на дёлё «оказалось, что въ рукописи не только нётъ никакого продолженія къ исторіи Агапія, но что она и самую эту исторію содержить только до второй половины VIII вѣка» 4). Но для византиновѣдѣнія и отъ этой случайной замётки получился интересный результатъ. Изследователи византійской исторіи «пользовались и пользуются» свёдёніями «Абул-Фараджа и отчасти ал-Макина», историковъ XIII-го въка, «о времени византійскихъ императоровъ Маврикія, Фоки и Ираклія». Сведенія же эти, оказалось, «заимствованы или, лучше сказать, сокращены изъ» Агапія, следовательно, изъ автора X-го века 5). Въ свою очередь, однимъ изъ источвиковъ самого Агапія оказалось недошедшее до насъ историческое сочиненіе астролога Өеофила Едесскаго, сирійскаго писателя, переводчика между прочимъ Иліады на сирійскій языкъ, скончавшагося въ 785-мъ году ⁶).

Ближе къ интересующей бар. В. Р. Розена эпохѣ византійской жизни находятся Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Алп-Арсланомъ 7), но въ нихъ оріенталисть выступаеть лишь докладчикомъ арабскихъ матеріаловъ и изслѣдователемъ чисто литературныхъ ихъ источниковъ на мусульманской, арабской и персидской почвѣ безъ очной ставки прежде

¹⁾ Ж. М. Н. П., 1881, т. 213, стр. 319-320.

²⁾ п. с., стр. 320.

⁹⁾ Ж. М. Н. П., т. 231 (1884), янв., стр. 47-75.

⁴⁾ ц. с., стр. 47.

⁵⁾ ц. с., стр. 75.

⁶⁾ п. с., стр. 74, ср. В. Райтъ въ переводъ подъ ред. П. К. Коковпова, Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы, СПб. 1902, стр. 113.

⁷⁾ Зап. Вост. отд., т. I (1886), 1887, стр. 19-22, 189-202, 248-252.

всего съ извъстными ему и равноцънными въ его же глазахъ разсказами восточныхъ христіанскихъ авторовъ, армянскихъ и сирійскихъ 1). Бар. В. Р. Розенъ обследовалъ по темѣ трехъ историковъ, поздняго компилятора Ибн-ал-Атира, Имад-эд-дина Исфаганскаго, «дреенийшаго до сихъ порз извъстнаго источника» по вопросу и Садр-эд-дина ал-Хусейни. Въ главѣ о последнемъ и дается относящееся къ нашей темѣ сообщеніе, именно то, что у этого арабскаго историка имѣется «не мало свѣдѣній о походахъ Алп-Арслана въ Арменію и Грузію, которыя не находятся у Ибн-ал-Атира» 2).

Но всё эти мелкія работы по исторіи Византіи порождены тёмъ интересомъ къ ея жизни, который углубленъ былъ въ баронѣ В. Р. Розенѣ изсителованіемъ Льтописи Яхъи Антіохійскаго. Плодъ этого изсителованія появился въ 1883-мъ году подъ заглавіемъ: «Императоръ Василій Балгаробойца. Извлеченія изъ Лѣтописи Яхъи Антіохійскаго».

Не замедлиль появиться въ печати обстоятельный отзывъ византиниста. «Все введеніе», писалъ въ рецензій о трудѣ бар. В. Р. Розена Ө. И. Успенскій, «представляетъ интересъ оригинальности и новизны и обличаетъ въ авторѣ мастера своего дѣла».⁸).

«Остроумныя соображенія» съ «прекрасными, хотя и весьма смёдыми наблюденіями и выводами» въ главѣ объ источникахъ Яхъи подняли авторитетъ этого писателя до значенія греческихъ первоисточниковъ, пользованіе комми и было установлено бар. Розеномъ. «Критика извѣстій Яхъи находится въ примѣчаніяхъ. Эти послѣднія, если обобщить сдѣланные бар. Розеномъ выводы, могутъ формулироваться въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) извѣстія Яхъи такъ важны, что вызываютъ потребность въ пересмотрѣ вопроса о началѣ Самуиловой державы; 2) отличаясь особенностями противъ сохранившейся византійской традиціи, они въ тоже время подкрѣпляютъ ее точными хронологическими указаніями 4)»...

Ө. И. Успенскій не преминуль указать 3) слабыя стороны въ извѣстіяхъ арабскаго историка Яхъи, имению путаницу въ именахъ и пропуски весьма важныхъ событій. «Но такъ какъ», продолжаль тотъ же компетентный судья 4), «качество извѣстій можеть искупать неполноту и

¹⁾ ц. с., стр. 19.

²⁾ ц. с., стр. 243, 245.

³⁾ Ж. М. Н. П., 1884, т. 232, апрыль, стр. 284.

⁴⁾ н. с., стр. 288. Не умолчимъ и того, что, по замѣчавію О. И. Успенскаго (ц. с., стр. 286): «Авторомъ здёсь [въ 17 гл. объ меточникахъ] руководило хорошее чутье, которое неогда покиваетъ его въ по имътавъ і ихъ».

⁵⁾ ц. с., стр. 299.

⁶⁾ ц. с., 299-300.

отсутствіе находимыхъ у греческихъ авторовъ подробностей, то, очевидно, въ общей опънкъ Яхъи нужно булеть отправляться изъ разсмотрънія мелочей и частностей. Уже одно то, что онъ далъ хронологическое указаніе для пораженія грековъ болгарами при Средце въ 986 году, указаніе, совершенно изм'яняющее взгляль на п'ялый ряль событій, посл'ядовавшихъ вследъ затемъ, приковываетъ къ Яхъе пытливое вниманіе изследователя, лишеннаго хронологических опоръ въ других источникахъ. Но и для посл'єдующих войнъ съ болгарами арабскій писатель или прямо указываеть даты, или позволяеть установить ихъ изъ связи разсказа. Вследствие того получается возможность более правильного распределения историческаго матеріала и пополненія скорбнаго листа болгаръ фактами, пріуроченными къ опредъленнымъ годамъ. Оказывается, что какъ разъ въ ть годы, когда, по мньнію историковъ, ни болгары, ни Византія не предпринимали другъ противъ друга никакихъ дъйствій, на самомъ дълъ шла на Балканскомъ полуостровъ упорная борьба (Извлеченія, стр. 27-28, прим. 183). Изъ этого видно, что извъстія Яхъи дъйствительно настолько важны по своимъ датамъ, что вызываютъ потребность переработки существующихъ изложеній хода борьбы грековъ съ болгарами. Бар. Розенъ съ своей стороны положиль начало для подобной работы, тщательно сведя византійскія изв'єстія и разобравъ мн'єнія историковъ».

«Извъстіе Яхън», читаемъ далъе у нашего византиниста 1), «о мърахъ, принятыхъ Василіемъ II по замиреніи Болгаріи, и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи стоитъ несравненно выше византійскихъ. Отъ него также въетъ свъжестью и новизною, почерпнутою изъ хорошаго источника, какимъ не пользовались Кедринъ и Скилица, а потому оно должно быть отнесено къ числу безпримърныхъ въ литературъ».

Отмѣчая, помимо особенностей хронологическаго свойства, черты, дѣлающія Яхъю «незамѣнимымъ», именно «тѣ черты, которыя онъ сохранилъ изъ современнаго событіямъ источника», критикъ заключаетъ зра «съ особенною силой бьетъ эта живая струя въ его извѣстіяхъ о Руси, которыя обезпечиваютъ Яхъѣ совершенно особое вниманіе со стороны русской науки». Нѣтъ надобности здѣсь слѣдовать далѣе за Ө. И. Успенскимъ въ обстоятельномъ обоснованіи этого положенія зр. въ обоснованіи настолько краснорѣчивомъ, что когда двадцать лѣтъ спустя понадобилось подтвердить «крайнюю важность восточныхъ источниковъ для исторіи обращенія русскихъ въ христіанство», въ частности важность хроникъ

¹⁾ ц. с., стр. 300.

²⁾ ц. с., стр. 300.

³⁾ ц. с., стр. 303-315.

Яхъи, Ел-Макина, Ибн-ал-Асира и другихъ», а также важность неизвъстнаго греческаго источника, откуда эти восточные авторы черпали свои свъдънія, выдающійся французскій византинисть Schlumberger могь сослаться прежде всего и главиъе всего лишь на заключающую въсебъ это обоснованіе критическую статью русскаго ученаго 1).

Неотразимое впечатление чего-то необычайно важнаго отъ история Яхъи, точнъе отъ извлеченій изъ нея, получилось не потому, что арабскій историкъ сообщалъ интересныя по даннымъ и новизнѣ освѣщенія свѣдѣнія. а потому, что они предложены были въ исчерпывающей предметъ критической обработкъ, предупреждавшей всякія недоумьнія. Количество недоум'Енныхъ вопросовъ увеличивалось между прочимъ отъ того, что текстъ Яхъи относится къ христіанской арабской литературів, и по лиесь наименъе разработанной области арабской филологіи. О степени малоразработанности христіанской арабской литературы и понынѣ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ следующій фактъ: единственные обобщающіе опыты справочнаго характера по ея исторіи, работы д-ра Георга Графа, появились дишь 22 года спустя послѣ изслѣдованія Император: Василій Болгаробойна, и въ такомъ вилъ, что елва ли и 22 года тому назадъ онъ заслужили бы лучшаго пріема, чёмъ который быль оказань имъ въ отзывѣ мололого русскаго арабиста, последняго по времени ученика барона В. Р. Розена 2). Можно себъ представить положение молодого тогда арабиста, піонера въ этой области. Бар. В. Р. Розенъ отдавалъ себъ полный отчетъ въ трудностяхъ, иногла казалось непреодолимыхъ, связанныхъ съ указаннымъ обстоятельствомъ. Это сознаніе имъ и высказывается по поводу арабскихъ терминовъ христіанскаго культа, «Христіанская терминологія», писаль онъ тогда же въ одномъ изъ примъчаній (56, стр. 125), «очень плохо обработана въ существующихъ арабскихъ словаряхъ, не исключая даже Myxûmал-Мухита, новъйшаго арабскаго словаря сирійскаго христіанина Петра Бустани, который даетъ конечно больше другихъ, но все же далеко не много».

Однако бар. В. Р. Розенъ справился не только съ трудностями текста Яхъи и русскаго перевода, но и постарался предупредить недоумънія, возникавшія при сопоставленіи различныхъ преданій, выясняя источники арабскаго лѣтописца и поздиѣйшіе истоки, устанавливая ихъ наиболѣе въроятную филіацію. Историку оставалось только брать готовый

¹⁾ L'Epopée Byzantine, I, Paris 1896, стр. 703, прим. 1.

²⁾ И. Ю. Крачковскій, «Georg Graf. Der Sprachgebrauch der ältesten christlicharabischen Literatur. Ein Beitrag zur Geschichte des Vulgär-Arabisch, Leipzig 1905» (Зап. Вост. отд., т. XVII, стр. 0198—0207).

вполить опредъленный матеріаль, провъренный и надежный, чтобы конструировать, но и въ этой части востоковъдь предвосхищаль работу слъдующихъ покольній: иное онъ самъ выясниль и установиль съ фактами въ рукахъ путемъ интенсивно веденныхъ справокъ въ восточныхъ и западныхъ памятникахъ, а иное онъ намътиль смълыми и остроумными комбинаціями, продиктованными тонкимъ чутьемъ.

Естественно, что за подобнымъ трудомъ заинтересованные ученые, и въ числѣ ихъ прежде всего византинистъ не могъ не признать свойства.—
«возбуждать духъ изслѣдованія и пытливости, оживлять науку и поддерживать интересъ къ вопросамъ, которые многими почитаются оконченными и сданными въ архивъ» 1).

Въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ встрѣчаемъ экскурсы по отдѣльнымъ вопросамъ культурной жизни христіанскихъ народовъ въ связи съмусульманскою или независимо, такъ въ одномъ мѣстѣ з) имѣемъ трактатецъ по арабской морской терминологіи съ интереснымъ арабскимъ текстомъ, съ указаніемъ ряда новыхъ соотвѣтствій въ европейской терминологіи и съ поправками нѣкоторыхъ старыхъ, во всѣхъ случаяхъ заимствованій европейцевъ у арабовъ, въ другомъ мѣстѣ з) па лицо вкладъ въ исторію перенесенія нерукотворнаго образа взъ Едессы въ Константинополь на основаніи арабскихъ источниковъ.

Въ десяткъ примъчаній разъясняются различные вопросы по географія і и исторіи Арменіи и Грузіи і. Особенно много обращено вниманія на армянскаго историка Асоб'яка і.

При установленіи совершенно новаго взгляда на бурные годы бол-

¹⁾ О. И. Успенскій, ц. с., стр. 315.

²⁾ Прим. 227-е (стр. 281-293).

³⁾ Прим. 430-е (стр. 391-398).

⁴⁾ Напр. объ армянскихъ областяхъ Халидать (примъч. 12, стр. 79—81, ср. примъч. 161), Джейвань [Д-съмъ] (примъч. 17, стр. 85, ср. примъч. 154, стр. 193).

⁵⁾ Напр. о Давидъ Куропалатъ (прим. 160, стр. 208, првиъч. 178, стр. 226), о таяхъ и таойпалъ (прим. 160, стр. 208, примъч. 177, стр. 226), о походъ храбраго грузинскаго вонва Гамрексли, К-р-м-р-к, у Мато-ея Едесскаго «Guarmeraguel» (стр. 153—154, прим. b), объ участів грузинскаго игря трузинскаго игря трузинскаго игря трузинскаго игря трузинскаго игря трузинскаго игря трузинскаго поделем трузинскаго игря трузинскаго игра труз

⁶⁾ Асогикъ использованъ то для выясненія сомнительнаго арабскаго чтенія имени (примът. 152, стр. 192), то для поправки негочностей въ изложеніи Иби-ал-Асира (примът. 214, тр. 248). Въ свою очередь неясное или недоумънное у Асогика разъясняется (стр. 207—208) сопоставленіемъ съ арабскимъ историкомъ. Сопоставленіе съ другими источниками даетъ изслъдователю возможность обнаружить недочеты въ русскомъ переводъ того же историка (стр. 89, прим. 1). Асогика и иныхъ армянскихъ историковъ, какъ то Ариста-кеса Ластивертскаго, Матеея Едесскаго и др., находимъ использованными, иногда съ разъясненіями на стр. 309, 319, 326, 334—336, 344—345.

гарской жизни, когда по прежнему представленію въ Болгаріи господствовала тишь да гладь, баронъ нашелъ для Яхън надежнаго союзника въ этомъ именно армянскомъ историкѣ Асогикѣ съ цѣлымъ рядомъ его точныхъ датировокъ походовъ 1).

Однако, для насъ интересъ отнюдь не въ значени армянскаго историка. Замолчанный до сихъ поръ витересъ въ томъ, что важитйшимъ моментомъ исторіи Византіи у восточныхъ писателей, какъ арабскихъ, въ источникъ христіанскихъ, такъ армянскихъ вскрыта была общность традипій, болье обстоятельныхъ и представляющихъ болье отчетливую картину, чъмъ свъдънія византійцевъ. По отношенію къ событіямъ 992—995 годовъ бар. В. Р. Розенъ такъ формулировать эту общность восточныхъ традицій (214, стр. 266): «Во многихъ главныхъ чертахъ впрочемъ всѣ арабскіе источники согласны и въ свою очередь подтверждаются армянскимъ современникомъ, Асохикомъ».

Установленіе особаго, правильнѣе бы сказать, самостоятельнаго источника восточно-христіанскихъ историческихъ традицій о важиѣйшихъ событіяхъ въ имперіи и ихъ превосходства надъ греко-твизантійскими повелительно навизывали выводы болѣе общаго значенія, чѣмъ предлагавшіеся въ формулировкѣ барона В. Р. Розена въ интересахъ литературной критики византійскихъ историковъ: выводы эти подкапывались подъ общепринятое представленіе о картинѣ современной культурной жизни Византіи, они приносили свою лепту къ утвержденію культурной жизни Византіи, они приносили свою лепту къ утвержденію культурной жизни Византискихъ народовъ, входившихъ въ составъ имперіи. Между тѣмъ византинисты не вполнѣ усваивали эти выводы даже въ скромной формулировкѣ барона Розена. И онъ, конечно, имѣлъ право «съ извѣстною горечью» говорить, какъ свидѣтельствуетъ А. А. Васильевъ в): «Вотъ, не вѣрятъ, не вѣрятъ, не вѣрятъ моему Яхъѣ!»

Въ книгъ барона В. Р. Розена въ цъломъ заложена была болъе важная, методологическая цънность. Въ ней наглядно было показано, какъ должны распутываться тъ узлы, въ коихъ сосредоточивается главнъйшій интересъ культурно-политической жизни Византіи, именно греко-инородческіе. Изслъдованіе бар. В. Р. Розена прямо диктовало и представителямъ нашей области постановку часто тождественныхъ и всегда аналогичныхъ вопросовъ и ръщеніе ихъ на основъ столь же самостоятельной разработки поллежащихъ источниковъ.

Для сопоставленія между прочимъ напрашивались и политическія

¹⁾ Прим. 183 (стр. 229).

Барона Виктюра Романовича Розена, Византійскій временникъ, XIV (1907), СПб. 1908, стр. 489 = отд. отт., стр. 7.

греко-болгарскія отношенія, созданіе изъ Болгаріи катепаната (стр. 59), вообще политическое ся устройство вплоть до взятія греками, представляющія едва-ли случайныя аналогіи съ греко-армянскими отношеніями въ предёлахъ армянскаго Багратидскаго царства.

Правда, приходится тутъ же признать, что блестящій наглядный урокъ не быль использовань ни арменистами, пп грузиновъдами: трудъ бар. В. Р. Розена въ этомъ отношеній оказался лишеннымъ той плодотворности, которую она могла и должна была проявить. Но и въ той области, болье казалось бы, разрабатываемой, къ которой относится непосредственно по своей темъ, едва ли проявиль этотъ классическій и по замыслу, и по выполненію трудъ всю ту плодотворность, которая заслуженно должна была выпасть на его долю. Если исключить критическій отзывъ О. И. Успенскаго, помъщенный въ Журналъ Министерства Народнаго Просвъщенія, книга прошла безслъдно.

Правда, трудъ бар. В. Р. Розена быль продолженъ и имѣетъ быть еще продолженнымъ въ серіи трудовъ проф. А. А. Васильева, но хорошо извъстно, насколько бар. В. Р. Розенъ близко стоялъ къ его работамъ, такъ что нельзи разсматривать ихъ отдѣльно отъ имени покойнаго. Объ этомъ дучше всего говоритъ въ глубоко-прочувственномъ некрологѣ бар. В. Р. Розена самъ Ал. Ал. Васильевъ 1).

Въ частности по огношению къ армянскимъ и грузинскимъ источникамъ на Западѣ въ пользу своей спеціальности византиновѣды сдѣлали еще кое-что, преимущественно въ лицѣ покойнаго теперь Гельцера, русское же византиновѣдѣніе не сдѣлало въ этомъ направленіи ни одного самостоятельнаго шага далѣе вѣхи, поставленной оріенталистомъ. Но, увы, мы не можемъ сказать, чтобы значеніе самой книги барона выразилось плодотвориѣе на Западѣ.

Лучшее употребленіе произведенія русскаго востоков'єда въ Западной Европів находимъ у византиниста Schlumberger: французскій ученый заказаль другому лицу переводъ русскаго изсл'єдованія (о непосредственномъ знакомств'є не можеть быть річи) и по частямъ внесъ его ціликомъ въ различныя главы своей L'Ероре́е Byzantine, не всегда предоставляя въ руки читателей ключь для опред'єленія того, какія по содержанію блестящія страницы французскаго изсл'єдованія восходять къ русскому подлиннику. Да и этотъ сравнительно благопріятный для русскаго ученаго случай провошель лишь двівнадцать літь спустя. Если въ Россіи даже капитальные труды русскихъ востоков'єдовъ обречены на смерть въ день же появленія

¹⁾ ц. с., Византійскій временникъ, ц. т., стр. 485-486 = отд. отт., стр. 3-4.

ихъ на свътъ за малочисленностью оріенталистовъ, за отсутствіемъ сколько нибудь серіозныхъ интересовъ къ востоковъдънію въ болье широкихъ филологическихъ кругахъ, на Западъ русскій языкъ является помъхою для нормальнаго движенія въ руслі общеевропейскаго научнаго теченія. Лостаточно сказать, что двадцать два года спустя по своемъ появленіи, книга бар. В. Р. Розена, заключающая обстоятельно изученный христіанскоарабскій памятникъ, не была еще непосредственно изв'єстна автору «Die Christlich-Arabische Literatur bis zur fränkischer Zeit (Ende des 11. Jahrhunderts)».1) именно Георгу Графу, и объ Яхъй у него всего дви строки въ прим'ьчаній (стр. 42, прим. 1), представляющія простую ссылку на н'ьсколько словъ, смутныхъ, во всякомъ случай малохарактерныхъ, также примечанія въ исторія арабской литературы²) Brockelmann'a, который въ популярномъ изданіи того же труда часть своего сообщенія резюмируетъ опять таки въ двухъ строкахъ⁸). Знай Графъ непосредственно русское изследование, онъ не преминуль бы воспользоваться въ другомъ своемъ трупь Der Sprachgebrauch der ältesten christlich-arabischen Literatur (Leipzig 1905) въ высшей степени ценнымъ матеріаломъ, разобраннымъ и подготовленнымъ бар. В. Р. Розеномъ въ примъчаніяхъ: нъкоторыя чрезвычайно характерныя слова или значенія v Graf'a совершенно отсутствують, другія указаны, но безъ случаевъ употребленія у Яхън4). Не менъе показателенъ слъдующій случай: проф. Brockelmann. извъстный семитологъ, посвятившій замътку спеціально христіанскимъ арабскимъ памятникамъ, въ 1908 г. не зналъ еще, что «честь открытія» Агапія Манбиджскаго «принадлежить баропу В. Р. Розену, который обратиль на него вниманіе ученых еще въ 1884 году въ своей стать в» (Ж. М. Н. П., янв., отд. II, стр. 47—75⁵).

Могъ ли не зам'тить этого ужаснаго для русскаго востоков'єда положенія тоть, въ кого природа вложила неисчерпаемый запасъ отзывчивости и хорошаго критическаго чутья? Очевидно, н'тъ. Еще мен'те могъ покорно смириться точно передъ рокомъ тотъ, кто даже въ философ'є-фата-

¹⁾ Freiburg im Breisgau 1905.

²⁾ Geschichte der arabischen Litteratur. 1. B., Weimar 1898, crp. 148.

³⁾ Geschichte der arabischen Litteratur, Leipzig 1901, crp. 111, 38-39.

⁴⁾ Напр. وفع помянуть от эктеніи (принтч. 47, стр. 123), سيه пастоа [букв. доля, надкля], если не клирь (хүйрос) по Nöldeke (принтч. 56, стр. 125), افغنسا الفغنسا الفغنسا الفغنسا الفغنسا الفغنسان المودياقتا بودياقتا المتابع المت

И. Крачковскій въ переводъ статьи прос. К. Брокельмана, Христіанско-арабская литература, Христ. чтеніе, 1908 январь, стр. 135, прим. 1.

листѣ XII-го вѣка, сирійскомъ эмирѣ Усамѣ Ибн-Мункидѣ, искалъ и умѣлъ цѣнить вѣру въ мощь человѣческой воли, съ любовью отмѣчаль его изреченіе: «когда люди всѣ силы своей души направляютъ на какое-нибудь дѣло, то они его и доводятъ до конца» ¹).

И когда баронъ В. Р. Розенъ оказался на распутьт, точно въ сказкт. съ фатальною надписью на столбъ о трехъ путяхъ, то онъ не свернулъ на торную дорогу обезпеченной европейской славы при условіи вполнѣ ему доступнаго писанія на западно-европейскихъ языкахъ. Онъ не углубился одиноко и по стезъ исключительного развитія личной научно-писательской лъятельности, обогащенія родной литературы серією собственныхъ цінныхъ монографій. Слишкомъ глубоко сиділо въ бароні В. Р. Розені убіжденіе. что, какъ онъ писалъ самъ, взрощенные на строго наччныхъ начадахъ русскіе оріенталисты явятся «дійствительным» пріобрітеніем для родной филологической науки, поднимуть постепенно уровень ея, расширять горизонть ея и тымъ самымъ въ сильной мъръ двинутъ вперелъ отечественную культуру, что въ свою очередь не можетъ не отразиться благотворно и на всемірной науків» и «въ конців концовъ принести богатые плоды русскому просвъщению» 2). Въря въ столь блестящее будущее русскаго востоковължнія, бар. В. Р. Розе нъ самоотверженно избраль третій путь, путь. усъянный трудностями и опасностями, быть можеть, и дозою разочарованій, весь отдался самому необходимому и самому ценному делу, делу образованія въ Россіи, д'єйствительно, научной оріенталистической среды, организацій изъ наличныхъ и нарождавшихся силь независимаго русскаго востоковъдънія, имъющаго сказать свое слово, а также умъющаго цънить въ наукт и чужой, и свой собственный вкладъ, безъ чего всякія личныя усилія обрекались въ лучшемъ случат на участь безплодныхъ подвиговъ. Баронъ прекрасно видълъ это на своемъ примъръ и на примъръ предшествовавшихъ ему порою не менъе талантливыхъ, не менъе свъдущихъ русскихъ оріенталистовъ.

Изъ этого новаго крупнаго замысла вытекала, съ нимъ находилась въ тъснъйшей связи дъятельность бар. В. Р. Розена по постановкъ научноучебнаго дъла еще задолго до его деканства на факультетъ восточныхъ
языковъ съ планомърною мечтою о насаждении хотя бы отдъльныхъ оріентальныхъ каеедръ во всъхъ русскихъ университетахъ в, по развитию дъятельности нашего Отдъленія и создавію изъ его Записокъ органа, должен-

¹⁾ Зап. Вост. отд., т. II (1887), стр. 177.

²⁾ Баронъ В. Р. Розенъ, О восточномъ фанультеть и восточныхъ каведрахъ, Ж. М. Н. П., ч. 273 (1891), янв., стр. 164, 165.

³⁾ Ibid.

ствовавшаго привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся въ Россіи востоковѣдѣніемъ и во всякомъ случаѣ объединить работы русскихъ востоковѣдовъ, наконецъ, по нравственной поддержкѣ молодыхъ русскихъ оріенталистовъ безъ различія спеціальности и щедрой раздачѣ накопленныхъ имъ знаній и матеріаловъ. Снабжалъ онъ матеріалами, конечно, коллегъ и за-границею, какъ Нельдеке спискомъ разночтеній Шаһ-намэ по одной петербургской рукописи, Фанъ-Флотена — спискомъ Джахиза¹) и т. д., но русскимъ востоковѣдамъ, прямымъ ученикамъ и не ученикамъ онъ расточалъ съ матеріалами свои мысли и свое сотрудничество, вкладывая въ ихъ работы свою дущу.

Нужно ли говорить, что христіанскій Востокъ въ лицѣ его изслѣдователей получилъ не мало и отъ этой стороны дѣятельности барона В. Р. Розена.

Образчикомъ его предупредительности и деликатности въ личныхъ отношеніяхъ можетъ служить слідующій случай съ кавказовіломъ. Приватъ-доцентомъ я занимался лътній семестръ 1894 года въ Страсбургъ, слушан лекціи нъкоторыхъ профессоровъ, въ томъ числъ проф. Нельдеке, у котораго шли занятія между прочимъ по мандейскому языку. Въ городской библіотекъ, служащей и университетскою, не оказалось лишняго экземиляра книги Sidra Rabba, чтенію которой посвящены были лекціи. У меня не было средствъ для ея покупки (она стоила тогда что-то около 40 рублей). Приходилось брать книгу у малознакомыхъ товарищей по курсу для списыванія очередных в отрывковъ, что стісняло и меня, и ея хозяевъ. Какъ то въ одномъ изъ писемъ бар. В. Р. Розену я мимоходомъ упомянулъ объ этомъ обстоятельствъ. Съ ближайшею иочтою я получиль отъ него нужныя деньги и письмо съ просьбою непремізнно купить для его библіотеки названную мандейскую книгу и до возвращенія пользоваться ею. Характерно то, что по возвращени бар. В. Р. Розенъ книгу принялъ съ видомъ, точно она, дъйствительно, нужна была для его библіотеки, не желая показать, что книга была куплена исключительно для мосго пользованія, но въ то-же время ее переуступиль одному изъ коллегъ, о чемъ я узналь лишь впослёдствій.

Иптересъ бар. В. Р. Розенъ проявлять живъйшій до последняхъ дней къ новымъ явленіямъ по арменястикъ и грузиновъдънію. Сейчасъ еще переживаю и едва ли изгладится когда либо изъ моей памяти ръдкое по сочувствію вниманіе, съ которымъ онъ прослушалъ подготовлявшееся мною къ выпуску разсужденіе о родствъ грузинскаго языка съ семитическими.

Н. И. Веседовскій, Еарона В. Р. Розена, СПб. 1908, стр. 20 (отд. оттискъ изъ К. М. Н. П., 1908 апръль, совр. дът., стр. 184—185).

Впечатление отъ искренняго воодушевления получилось темъ сильнее, что баронъ съ самаго начала относился въ высшей степени скептически къ этой лингвистической теоріи. Я не могъ думать, что это была последняя прошальная наша бесіла, что черезь нісколько дней не будеть въ живыхъ того, въ комъ было такъ много жизни. Не менъе живъ быль интересъ его къ положенію и сульбамъ работниковъ въ нашей области, ему мало или часто вовсе незнакомыхъ. При нашихъ встречахъ это были постоянныя, неизсякаемыя темы для разговоровъ. Во время монхъ пободокъ эти и сродныя темы служили главнымъ образомъ предметомъ переписки съ бар. В. Р. Розеномъ, которому, естественно, первому повърялись результаты научныхъ изысканій, ему сообщались еще съ дороги успъхи и неудачи путешествій точно не арабисту, а старшему товарищу по спеціальности. Изъ какого бы дальняго или глухого м'еста, на Кавказ'е, въ св. Земл'е, на Авон'е, не пришлось писать, всегда одинаково могъ быть я уверень въ его благородномъ откликъ на научные запросы или вообще новости. Ни одного письма бар. В. Р. Розенъ не оставляль безъ ответа, притомъ немелленнаго. Не было случая, чтобы какой-либо шагь, предпринимаемый въ интересахъ армяно-грузинской филологіи, не встрѣтилъ въ немъ самаго искренняго и серьознаго сочувствія, самой действительной помощи, щла ли рѣчь объ оставленіи аспиранта при университеть, о командировкъ заграницу, о поощреніи провинціальных тружениковъ, которымъ обыкновенно такъ трудно живется, или о научной экспедиціи. Н'єкоторыя, при томъ наиболье крупныя научныя предпріятія, какъ напр. экспедиція наша на Синай съ А. А. Васильевымъ и И. А. Джаваховымъ и въ Іерусалимъ могла состояться только благодаря его настойчивой поддержкѣ, благодаря долгой подготовкѣ имъ почвы.

То, что дѣлалось бар. В. Р. Розеномъ при печатаніи трудовъ молодыхъ, да и не молодыхъ оріенталистовъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно. Эта сторона его дѣятельности не можетъ быть исчерпана тѣмъ, что говорится обыкновенно въ предисловіяхъ изданій. Заслугъ вообще въ научно-дѣловыхъ отношеніяхъ больше, чѣмъ удается мнѣ конкретно отмѣтить, если даже ограничиться интересами христіанскаго Востока. Трудно знать всѣ такія услуги, иногда и мелкія, но всегда существенныя, совершавшіяся безшумно и безъ показности. Вотъ напр. случайно мною выхваченный изъ жизни бар. В. Р. Розена примѣръ, далеко не единичный. Онъ узнаетъ, что Abicht, авторъ брошюры о грузинскомъ происхожденіи глаголицы, нуждается въ литературѣ предмета по грузинской палеографіи. Арабистъ баронъ освѣдомляется и немедленно сообщаетъ изслѣдователю, а что можно достать въ Петербургѣ, такъ напр. Сотодюнія

о памятниках грузинской письменности проф. А. А. Цагареля (вып. I) съ палеографическими образчиками, посылаеть, для большей върности собственноручно сдавъ на почту.

Если раньше мы могли оцънивать подобные поступки лишь какъ лячное явленіе, коренящееся въ обаятельномъ характеръ ученаго, а не какъ высокій научно-общественный замыселъ, идейное зиждительное начало, глубоко продуманное, я увъренъ, что по незамънимой утратъ намъ навязывается справедливая его оцънка нашею дъйствительностью.

Быть можеть, въ живой организаторской діятельности барона В. Р. Розена им'єются и кое-какіе дефекты или признаки недоділанности, которые, независимо отъ личныхъ отношеній, выступять при нівкоторой исторической перспективів, намъ сейчась, конечно, недостающей. Но мы на эти законныя требованія критики хотіли бы отвітить словами бар. В. Р. Розена, сказанными имъ въ оцінкі грузиновіда Броссе 1): «ваятеля, котораго смерть похищаеть за работою высіченія изъ безформенной мраморной глыбы первыхъ контуровъ задуманнаго памятника, зодчаго, который, заложивъ прочно фундаменть грандіознаго зданія, оставляеть окончаніе его своимъ преемникамъ, никто не станетъ обвинять въ недостаточной отлількії леталей».

Намъ хотѣлось бы указать лишь на то, что баронъ В. Р. Розенъ имѣлъ счастіе творчески работать надъ грандіознымъ памятникомъ, и въ числѣ его научныхъ трудовъ шедевръ — эта самая работа. Есля вызванный ею переходъ барона В. Р. Розена отъ видныхъ самостоятельныхъ изысканій къ разсужденіямъ, хотя бы оригинальнымъ и цѣннымъ по поводу чужихъ трудовъ или къ мелкимъ и даже мимолетнымъ рецензіямъ и былъ, какъ можетъ казаться, значительнымъ ущербомъ для славы имени покойнаго, то только на первый взглядъ; эта дѣятельность призвана была вспахать ниву русской науки сильвѣе и плодотворнѣе, чѣмъ предполагаемый глубокій слѣдъ, который могъ получиться отъряда личныхъ обширныхъ научныхъ изслѣдованій при существовавшихъ условіяхъ.

Единичныя пространныя сочиненія барона В. Р. Розена и десятки мен'є крупныхъ или совс'ємъ мелкихъ по разм'єрамъ, но часто не мен'є выдающихся по вложеннымъ въ нихъ мыслямъ работъ, будемъ над'єяться и в'єрить для чести того д'єла, которому искренне служилъ исключительно р'єдкій по качествамъ русскій оріенталистъ, со временемъ устар'єють и мо-

¹⁾ Въ рецензін на Bibliographie analitique des ouvrages de monsieur Marie-Félicité Brosset, Зап. Вост. отд., т. II (1887), стр. 320.

гуть быть забыты, можеть быть забыта даже главная его книга объ Яхъй Антіохійскомъ, но никогда не забудется русскимъ востоковъдвніемъ вторая, главнъйшая живая книга, — книга, написанная самою жизнью покойнаго предсъдателя нашего Отделенія. Наобороть, чъмъ болье русское востоковъдъніе будетъ мужать, набираться чувства собственнаго достоинства и проникаться сознаніемъ особыхъ своихъ задачъ и примого своего долга передъ отечественною наукою и просвъщеніемъ, тъмъ ярче станетъ выступать неподдъльный блескъ имени его незабвеннаго творца-организатора барона Виктора Романовича Розена.

Н. Марръ.